

Изъ Воспоминаній Н. М. Сатина.

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія.

Николай Михайловичъ Сатинъ былъ однимъ изъ близкихъ университетскихъ товарищей Огарева и Герцена. Родился 4 декабря 1814 года въ Тамбовской губ., въ селѣ Дмитровскомъ (или Ильинскомъ). ¹⁾ Какъ сынъ зажиточнаго тамбовскаго помѣщика, онъ получилъ по тому времени недурное воспитаніе. Знаніе французскаго языка было пріобрѣтено имъ дома, въ родной семьѣ, гдѣ о немъ заботилась горячо имъ любимая и любившая его мать; нѣмецкій и англійскій языки онъ изучилъ впослѣдствіи. Отвезенный въ Москву и помѣщенный въ Университетскій пансіонъ, онъ встрѣчается на школьной скамьѣ съ Лермонтовымъ и вмѣстѣ съ нимъ въ 1831 году, послѣ преобразованія Университетскаго пансіона въ Дворянскій институтъ, въ который вмѣстѣ съ преобразованиемъ были введены и розги, — оставляетъ школу. Вступивъ на слѣдующій годъ въ Московскій Университетъ, на математическій факультетъ, онъ встрѣчается и знакомится тамъ черезъ Сазонова съ Огаревымъ и со всѣмъ Герценовскимъ кружкомъ, по отношенію къ которому ему пришлось сыграть роль того злосчастнаго звена, которое связало студенческую пирушку 24 іюня 1834 года съ кружкомъ Герцена. Послѣ этой пирушки были арестованы Огаревъ и Герценъ, такъ же, какъ и самъ Сатинъ, не принимавшіе никакого участія въ пирѣ.

„Одинъ студентъ, окончившій курсъ, давалъ своимъ пріятелямъ праздники 24 іюня 1834 года. Изъ насъ, — рассказывалъ

¹⁾ Хронологическія данныя сообщаются со словъ одного изъ сыновей покойнаго Н. М. Сатина—Александра Николаевича Сатина.

впослѣдствіи Герценъ, ¹⁾—не только не было ни одного на пиру, но никто не былъ приглашенъ. Молодые люди перенились, дурачились, танцевали мазурку и между прочимъ спѣли хоромъ извѣстную пѣсню Соколовскаго... Вечеромъ Скорятка *вдругъ* вспомнилъ, что это день его именинъ, разсказалъ исторію, какъ онъ выгодно продалъ лошадь, и пригласилъ студентовъ къ себѣ, обѣщая дюжину шампанскаго. Всѣ поѣхали, шампанское явилось, и хозяйникъ, покачиваясь, предложилъ еще разъ снѣть пѣсню Соколовскаго. Среди пѣнія отворплась дверь, и вошелъ Цынскій съ полиціей“...

Вслѣдъ за этимъ арестовали автора пѣсни, поэта В. И. Соколовскаго, который былъ близокъ съ Сатпнымъ и не только жияъ у него, но разъ своимъ непрерывнымъ возліяніемъ Бахусу вынудилъ товарища выѣхать изъ его собственной квартиры къ Огареву, предоставивъ ее въ полное распоряженіе Соколовскому.

При обыскѣ у Соколовскаго были найдены письма Н. М. Сатина. Этого было вполне достаточно, чтобы перекинуть отъ упомянутой прунки нить къ кружку Герцена. Письма, найденныя у Соколовскаго, явились причиною обыска у Сатина, котораго вещи находились въ его московской квартирѣ, самъ же Сатинъ въ это время жилъ въ деревнѣ у матери, въ Тамбовской губерніи. Дѣлая обыскъ въ вещахъ и бумагахъ Сатина, не трудно было найти въ нихъ письма Огарева, близкое сношеніе съ которымъ не только не подвергалось никакому сомнѣнію, а напротивъ могло бы быть еще болѣе подтверждено недавнимъ совмѣстнымъ сожительствомъ обоихъ товарищей. И бумаги Огарева подверглись тщательному обыску, а онъ самъ аресту, вслѣдъ за которымъ послѣдовалъ обыскъ и арестъ Герцена. Полиція какъ будто только этого и добивалась: добравшись до Огарева и Герцена, она такъ сосредоточила на нихъ свое вниманіе, что въ продолженіе цѣлаго мѣсяца забыла и думать о розыскахъ Сатина. Но онъ напомнилъ ей самъ о себѣ. Какъ только дошла до него вѣсть объ арестѣ друзей, „онъ самъ поѣхалъ въ Москву, чтобы пріѣздъ жандармовъ не пугалъ ма(терн), простудился на дорогѣ и пріѣхалъ домой въ горячкѣ. Полиція его застала въ постели, везти въ часть было невозможно. Его арестовали дома... Въ началѣ зимы перевезли въ Лефортовскій госпиталь“... ²⁾.

¹⁾ Записки Герцена. Ч. I. Стр. 244—245.

²⁾ Записки Герцена Ч. I.

Въ мартѣ 1835 года, какъ извѣстно, всѣмъ замѣшаннымъ и смѣшаннымъ съ дѣломъ по поводу пирושки былъ произнесенъ приговоръ. По этому приговору Герценъ сосылался безсрочно въ Пермь, Огаревъ — въ Пензенскую губернію въ имѣніе къ отцу, а Сатинъ — въ Симбирскую губернію. Въ 1837 году Н. М. Сатинъ по болѣзни былъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ и произошли его встрѣчи, о которыхъ онъ рассказываетъ въ предлагаемыхъ отрывкахъ изъ его Воспоминаній, писанныхъ, какъ можно предположить, въ концѣ 1865 года.

Близкая связь Сатина съ университетскими друзьями не ослабла и по возвращеніи изъ ссылки; съ Огаревымъ же она скрѣпилась еще узами родства. Если не ошибаюсь, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ Н. М. Сатинъ женился на Еленѣ Алексѣевнѣ Тучковой, младшая сестра которой, Наталья Алексѣевна, теперь авторъ извѣстныхъ Воспоминаній, печатаемыхъ въ Русской Старинѣ,—въ 50-хъ годахъ вышла замужъ за Огарева ¹⁾).

И безъ того некрѣпкій здоровьемъ, страдавшій ревматизмомъ ногъ, Н. М. Сатинъ послѣ перенесенной во время ареста горячки на всю жизнь остался больнымъ, хилымъ. Въ 40-хъ годахъ для лѣченія отъ ревматизма онъ ѣздилъ за границу; долгое время жилъ тамъ вмѣстѣ съ своимъ близкимъ другомъ—Огаревымъ. Кромѣ одинаковости убѣжденій, взглядовъ на жизнь, людей, на социальныя и политическія отношенія, кромѣ образовавшагося впоследствии родства по женамъ, Огаревъ и Сатинъ были близки другъ другу еще и какъ поэты.

Сатинъ, какъ во время ссылки, такъ и во время жизни за границей писалъ стихи. Знаніе иностранныхъ языковъ направляло музу на стихотворные переводы изъ Байрона и Шекспира. Онъ перевелъ съ англійскаго: „Бурю“ и „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Шекспира. Современники очень цѣнили его переводъ „Бури“, находили его

¹⁾ Н. А. Огарева, несмотря на свои 60 слишкомъ лѣтъ, и сейчасъ одушевлена тѣми же высоко-гуманными мыслями и чувствами, какими былъ полонъ ея мужъ. Благодаря ея исключительному интересу и любви къ эпохѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ, сохранились отъ забвенія и приводимыя здѣсь стихотворенія Н. М. Сатина. Благодаря ей, полученъ и портретъ Н. П. Огарева, помѣщаемый въ настоящемъ „Сборникѣ“.—Пользуюсь случаемъ выразить многоуважаемой Н. А. Огаревой мою глубокую благодарность и признательность за ея постоянную готовность помочь во всемъ, что касается возстановленія памяти ея покойнаго мужа и его друзей.

„отличнымъ и читали съ увлеченіемъ;“ цѣнили и посвященіе этого перевода друзьямъ, которое начиналось словами:

Я отлученъ судьбою былъ отъ міра,
И тамъ, въ тиши открылся предо мной
Волшебный міръ волшебнаго Шекспира
Съ его живой, великой простотой...¹⁾

Переводы эти, напечатанные въ свое время въ журналахъ: (*Буря* въ 1840, *Сонъ* въ Современ. 1851), выдержали уже пять изданій въ Собр. сочиненій Шекспира, изд. Гербелемъ.

Для обращика его переводовъ я приведу одно стихотвореніе изъ Байрона:

Никто изъ красавицъ съ тобой не возьмется
Сравниться волшебной красой,
Твой голосъ такъ сладко въ душѣ раздается,
Какъ музыки звукъ надъ водой.
Когда океанъ очарованъ смолкаетъ,
Внимая тѣмъ звукамъ живымъ,
Окованный вѣтеръ какъ будто мечтаетъ,
И волнъ хороводъ подвижимъ.
И мѣсяцъ надъ бездною идетъ, оставляя
Блестящій свой слѣдъ на волнѣ,
А бездна безмолвствуетъ, тихо вздыхая,
Какъ будто младенецъ во снѣ.
Душа моя такъ предъ тобою смирилась,
Внимая тебѣ, обожала она,
А сердце глубоко, но тихо такъ билось,
Какъ лѣтнею ночью волна.

Этотъ переводъ былъ сдѣланъ во Франціи въ 1844 году. По словамъ Н. А. Огаревой, онъ до сихъ поръ не былъ напечатанъ.

Не въ однихъ переводахъ изливалась его музыкальная рѣчь; у него немало стихотвореній и его собственнаго сочиненія, которыя онъ помѣщалъ, какъ говорится въ Воспоминаніяхъ Т. П. Пасекъ,²⁾ то въ Отечественныхъ Запискахъ, то въ Современникѣ.

¹⁾ Воспоминанія Т. П. Пасекъ. Т. II. Стр. 317.

²⁾ Т. II. Стр. 318.

Въ имѣніи Старомъ Акшинѣ (Пензенской губ.), гдѣ въ настоящее время проживаетъ дочь покойнаго Сатина, Наталья Николаевна Сатина, ¹⁾ сохранилось нѣсколько изъ его произведеній, не бывшихъ въ печати. Чтобы познакомить съ его взглядами и манерой писать, я приведу одно стихотвореніе, которое написано въ Москвѣ въ 1841 году.

Извѣстно, что какъ разъ въ этотъ годъ Лермонтовъ выступилъ въ защиту Наполеона съ своимъ негодующимъ словомъ и грознымъ упрекомъ противъ французовъ, которые вздумали воздавать запоздалыя почести бывшему изгнаннику и предприняли перевозъ его тѣла въ Парижъ, въ Hôtel des Invalides. Чудныя поэтическія красоты Лермонтовскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ именемъ „*Послѣднее Новосоелье*“, не въ силахъ были затемнить непріятный смыслъ и духъ произведенія, гдѣ Наполеонъ изображался спасителемъ французской націи, погибавшей въ концѣ прошлаго вѣка. Н. М. Сатинъ написалъ отвѣтъ на это стихотвореніе, гдѣ не трудно видѣть существовавшую разницу взглядовъ у обоихъ поэтовъ, нѣкогда однокашниковъ. Этотъ отвѣтъ сохранился въ бумагахъ покойнаго Сатина подъ названіемъ:

Лермонтову.

Когда поэтъ, сознавъ свое призванье,
Свой приговоръ народу прозвучить,
Какъ мощно онъ стихомъ негодованья
Народъ бичуетъ и клеймитъ!

* * *

Кто-бъ ни былъ тотъ народъ,—что нужды для поэта!
Поэтъ въ сей мигъ не франкъ, не славянинъ,
Одною истиной душа его согрѣта,
Онъ человекъ, онъ міра гражданинъ!

* * *

Но горе, если онъ въ сужденьяхъ увлечется
Народною или лично враждой!
На грозный судъ его кой-кто лишь улыбнется,
И грозный стихъ надъ цѣлью пронесется,
Хоть звучною, но слабою струей.

¹⁾ Благодаря Н. Н. Сатиной и ея брату, Александру Николаевичу Сатину, сохранились и предлагаемые отрывки изъ Воспоминаній ихъ отца.

Это коротенькое стихотвореніе достаточно отражает не только личный взглядъ автора на значеніе и призваніе поэта, но и взглядъ московскаго кружка, къ которому Сатинъ примыкалъ въ 30-е и 40-е годы.

Какъ это, такъ и вышеприведенное стихотвореніе говорятъ о несомнѣнномъ присутствіи поэтическаго дарованія автора, который самъ очень мало цѣнилъ свои поэтическіе труды. Вернувшись изъ-за границы, Сатинъ писалъ уже гораздо меньше, а потомъ сталъ даже стыдиться своихъ произведеній: „не разъ, встрѣтивши въ какомъ-нибудь журналѣ свои стихи, вырывалъ ихъ и рвалъ на части“¹⁾. Но читатель самъ могъ видѣть, что поэтическіе опыты Сатина не дурны; приведенные обращения настолько удачны, что въ состояніи возбудить интересъ къ его музѣ,—хотя, правда, запоздалый: уже болѣе двадцати лѣтъ прошло со смерти поэта. Сатинъ умеръ 29 апрѣля 1873 года и похороненъ въ своемъ имѣніи Старомъ Акшинѣ.

Е. Некрасова.

Отрывки изъ воспоминаній.

I.

... Одно воспоминаніе влечетъ за собой другое. Говоря о Соколовскомъ²⁾, я упомянулъ, что весь 1837 годъ я провелъ на Кавказѣ: лѣто на водахъ, а осень и зиму въ Ставрополѣ. Этотъ годъ былъ замѣчательенъ разными встрѣчами. Начнемъ съ Бѣлинскаго и Лермонтова.

Ив. Ив. Панаевъ въ своихъ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ“ говоритъ, что Бѣлинскій и Лермонтовъ познакомились въ Петербургѣ, у г. Краевского, въ то время, когда Бѣлинскій принималъ

¹⁾ Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Т. II. Стр. 318.

²⁾ В. И. Соколовскій—авторъ „Хеверп“, „Мірозданія“ и той пѣсни, за которую были арестованы всѣ присутствовавшіе на пирушкѣ 24-го іюня 1834 года. Воспоминанія Н. М. Сатина начинались главою о Соколовскомъ.

дѣятельное участіе въ изданіи Отеч(ественныхъ) Записокъ, т. е. въ 1839 или 1840 году¹⁾. Это не справедливо. Они познакомились въ 1837 г. въ Пятигорскѣ у меня. Сошлись и разошлись они тогда вовсе не симпатично. Бѣлинскій, въ послѣдствіи столь высоко цѣнившій Лермонтова, не разъ подсмѣивался самъ надъ собой, говоря, что онъ тогда *не раскусилъ* Лермонтова.

Лѣтомъ 1837 года я жилъ въ Пятигорскѣ, больной, почти безъ движенія отъ ревматическихъ болей въ ногахъ. Туда же и тогда же пріѣхалъ Бѣлинскій и Лермонтовъ, первый изъ Москвы лѣчиться, второй—изъ Нижегородскаго цолка повеселиться.

Съ Бѣлинскимъ я не былъ знакомъ прежде; но онъ привезъ мнѣ изъ Москвы письмо отъ нашего общаго пріятеля К.²⁾; на этомъ основаніи мы скоро сблизились, и Бѣлинскій навѣщалъ меня ежедневно.

Съ Лермонтовымъ мы встрѣтились, какъ старые товарищи. Мы были съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ; но въ 1831 году, послѣ преобразованія пансіона въ Дворянскій институтъ (когда-нибудь поговоримъ и объ этомъ замѣчательномъ фактѣ) и введенія въ него *розогъ*, вмѣстѣ и оставили его. Лермонтовъ тотчасъ же вступилъ въ Московскій Университетъ и прямо наткнулся на исторію профессора Малова, вслѣдствіе которой былъ исключенъ изъ Университета³⁾, и поступилъ въ Юнкерскую школу. Я поступилъ въ Университетъ только на слѣдующій годъ.

На порогѣ школьной жизни мы разстались съ Лермонтовымъ холодно и скоро забыли другъ о другѣ. Вообще въ пансіонѣ товарищи не любили Лермонтова за его наклонность подтрунивать и надоедать: „пристанетъ, такъ не отстанетъ“, говорили объ немъ.

¹⁾ Въ „Воспоминаніяхъ“ Панаева такъ рассказывается исторія знакомства Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ: (... „Это было въ первые годы Отечественныхъ Записокъ, въ 1839, 1840 и 1841 годахъ“...). „Бѣлинскій часто встрѣчался съ Лермонтовымъ у г. Краевского. Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило: Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или прямо прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе“. (178 стр.).

²⁾ Отъ Ник. Христ. Кетчера, съ которымъ Сатинъ познакомился въ Герценовскомъ кружкѣ.

³⁾ Такъ называемая Маловская исторія окончилась печально не для одного М. Ю. Лермонтова: уволенъ отъ службы былъ и самъ профессоръ, а Герценъ и его товарищи были посажены въ карцеръ. Объ этой исторіи подробно рассказывается въ біографіяхъ Лермонтова.

Замѣчательно, что эта юношеская наклонность привела его и къ послѣдней трагической дуэли!

Въ 1837 году мы встрѣтились уже молодыми людьми, и, разумеется, школьные неудовольствія были взаимно забыты. Я ска-залъ, что былъ серьезно боленъ и почти недвижимъ; Лермонтовъ напротивъ—пользовался всѣмъ здоровьемъ и велъ свѣтскую разсѣянную жизнь. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ *воднымъ* обществомъ (тогда очень многочисленнымъ), участвовалъ на всѣхъ обѣдахъ, пикинкахъ и праздникахъ.

Такая, повидимому, нустая жизнь не пропадала, впрочемъ, для него даромъ: онъ писалъ тогда свою „Княжну Мери“ и зорко наблюдалъ за встречающимися ему личностями. Тѣ, которые были въ 1837 году въ Пятигорскѣ, вѣроятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкаго, и въ особенности милого, умнаго и оригинальнаго доктора Майера¹⁾.

Майеръ былъ докторомъ при штабѣ генерала Вельямнова. Это былъ замѣчательно умный и образованный человекъ; тѣмъ не менѣе онъ тоже не раскусилъ Лермонтова.

Лермонтовъ снялъ съ него портретъ поразительно вѣрный; но умный Майеръ обидѣлся, и, когда „Княжна Мери“ была напечатана, онъ писалъ ко мнѣ о Лермонтовѣ: „Pauvre sire, pauvre talent!“²⁾.

Лермонтовъ приходилъ ко мнѣ почти ежедневно послѣ обѣда отдохнуть и поболтать. Онъ не любилъ говорить о своихъ литературныхъ занятіяхъ, не любилъ даже читать своихъ стиховъ; но зато охотно рассказывалъ о своихъ свѣтскихъ похожденияхъ, самъ первый подсмѣивался надъ своими *любовями* и волокитствами.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ встрѣтился у меня съ Бѣлинскимъ. Познакомились, и дѣло шло ладно, пока разговоръ вертѣлся на разныхъ пустячкахъ; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембаръ (въ Пензенской губ.)³⁾.

¹⁾ Это тотъ самый докторъ, который описанъ въ „Княжнѣ Мери“ подъ именемъ Вернера.

²⁾ „Ничтожный человекъ, ничтожный талантъ“.

³⁾ Это не вѣрно. Извѣстно, что Лермонтовъ родился въ Москвѣ; Бѣлинскій же, по свидѣтельству А. Н. Пыпина (*Жизнь и Переписка Бѣлинскаго* стр. 7—8) родился въ Свеаборгѣ, гдѣ въ 1810 г. стоялъ флотскій экипажъ, въ которомъ отецъ Бѣлинскаго служилъ врачомъ, а отсюда въ 1816 году перешелъ „въ родной край“, въ городъ Чембаръ. Въ Пензен-

Но Бѣлинскій не могъ долго удовлетворяться пустословіемъ. На столѣ у меня лежалъ томъ записокъ Дидерота; взявъ его и перелистывая, онъ съ удивленіемъ началъ говорить о французскихъ энциклопедистахъ и остановился на Вольтерѣ, котораго именно онъ въ то время читалъ. Такой переходъ отъ пустого разговора къ серьезному разбудилъ юморъ Лермонтова. На серьезные мнѣнія Бѣлинскаго онъ началъ отвѣчать разными шуточками; это явно сердило Бѣлинскаго, который начиналъ горячиться; горячность же Бѣлинскаго болѣе и болѣе возбуждала юморъ Лермонтова, который хохоталъ отъ души и сыпалъ разными шутками.

— „Да я вотъ что скажу вамъ о вашемъ Вольтерѣ,—сказалъ онъ въ заключеніе: еслибы онъ явился теперь къ намъ въ Чембары, то его ни въ одномъ порядочномъ домѣ не взяли бы въ гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочемъ, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Бѣлинскаго. Онъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ посмотрѣлъ, молча, на Лермонтова, потомъ, взявъ фуражку и едва кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты.

Лермонтовъ разразился хохотомъ. Тщетно я увѣрилъ его, что Бѣлинскій замѣчательно умный человѣкъ; онъ передразнивалъ Бѣлинскаго и утверждалъ, что это не доучившійся фанфаронъ, который, прочитавъ нѣсколько страницъ Вольтера, воображаетъ, что проглотилъ всю премудрость.

Бѣлинскій съ своей стороны иначе не называлъ Лермонтова, какъ *пошлякомъ*, и когда я ему напоминалъ стихотвореніе Лермонтова „На смерть Пушкина“,—онъ отвѣчалъ: „Вотъ важность написать нѣсколько удачныхъ стиховъ! Отъ этого еще не сдѣлаешься поэтомъ и не перестанешь быть пошлякомъ!“

На впечатлительную натуру Бѣлинскаго встрѣча съ Лермонтовымъ произвела такое сильное вліяніе, что въ первомъ же письмѣ изъ Москвы онъ писалъ ко мнѣ: „Повѣрь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай къ себѣ такихъ пошляковъ, какъ Лермонтовъ“.

ской губ. жила вся старая родня Бѣлинскаго, а дѣдъ о. Никифоръ долго былъ священникомъ въ селѣ Бѣлыи, въ Нижнеомовскомъ уѣздѣ, Пензенской губ. На основаніи этого, конечно, Бѣлинскій считалъ эту губернію своимъ роднымъ краемъ.

Такъ встрѣтились и разошлись въ первый разъ эти двѣ замѣчательныхъ личности. Черезъ два или три года они глубоко уважали и цѣнили другъ друга. ¹⁾

II.

Осенью этого года (1837) въ Ставрополѣ ожидали государя Николая Павловича. Подъ самымъ городомъ расположился лагерь генералъ Зассъ, извѣстный тогда на Кавказѣ подъ именемъ „храбраго генерала“. Онъ командовалъ летучимъ отрядомъ, который употреблялся для быстрыхъ, неожиданныхъ нападеній на разные провинившіеся аулы. Подъ Ставрополемъ, кромѣ его отряда, палатку Засса окружала пестрая толпа депутатовъ отъ разныхъ племенъ мирныхъ горцевъ, которыхъ онъ долженъ былъ представить государю. Ихъ скачки, стрѣльба и другія военныя игры представляли живую и оригинальную картину, которою мы часто ѣздили любоваться; къ тому же и Зассъ былъ веселый, честный нѣмецъ, и мы часто пользовались его гостепріимствомъ.

Однажды мы у него завтракали. Завтракъ уже кончился, и мы сидѣли за стаканами кахетинскаго въ веселой дружеской болтовнѣ.

Взошелъ адъютантъ и, подавши Зассу пакетъ, объявилъ, что привезли изъ Сибири шестерыхъ разжалованныхъ въ солдаты.

„Это декабристы! сказалъ Зассъ,—просите ихъ сюда.“

¹⁾ Въ 1840 году, когда Лермонтовъ сидѣлъ на гауптвахтѣ за дуэль съ Барантомъ, Бѣлинскій былъ у него и, какъ самъ говоритъ, „въ первый разъ разговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокой и чисто непосредственный вкусъ излщнаго! О, это будетъ русскій поэтъ, съ Ивана Великаго! Чулнал натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго также. Передъ Пушкиннымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ „Онѣгина“. Женщинъ ругаетъ; однихъ за то... другихъ за то... Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однихъ женщинъ и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ чисто онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ, какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это и сказалъ ему,—онъ улыбнулся и сказалъ: „дай Богъ!“ Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово—онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ—мѣни давятъ такія цѣлостныя, полныя природы, я передъ ними благоговѣю и смиряюсь въ сознаниіи своего ничтожества“. (Тамъ же, томъ II, стр. 38).

Черезъ нѣсколько минутъ въ палату вошли шесть человѣкъ среднихъ лѣтъ въ полудорожныхъ костюмахъ и нѣсколько сконфуженные. Но Засѣъ тотчасъ ободрилъ ихъ; онъ принялъ ихъ не какъ подчиненныхъ, а какъ товарищей. Подали еще вина, и скоро разговоръ сдѣлался общій и оживленный.

Эти декабристы были: Нарышкинъ, Лореръ, баронъ Розенъ, Лихаревъ, и поэтъ, князь Александръ Одоевскій¹⁾. Фамплію шестого теперь не могу припомнить²⁾.

Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ въ бытность свою въ Сибирѣ исходатайствовалъ имъ у государя, какъ милость, быть переведенными на Кавказъ солдатами. Впрочемъ, они впоследствии не рассказали въ этомъ, потому что не несли никакой службы, а жили очень спокойно, а иногда даже и весело. Одинъ только несчастный Лихаревъ попалъ къ какому-то греку, полковнику Пуло, который заставлялъ его нести солдатскую лямку³⁾.

Несмотря на 12 лѣтъ Сибири, всѣ они сохранили много жизни, много либерализма и мистически религіозное направленіе, собственное царствованію Александра I-го. Но изъ всѣхъ веселостью, открытой фізіономіей и игривымъ умомъ отличался Александръ Одоевскій. Это былъ дѣйствительно „мой милый Саша“, какъ его

¹⁾ По словамъ барона Розена: „Въ 1837 году по случаю проѣзда цесаревича Александра Николаевича, наслѣдника престола, черезъ Сибирскіе города Тюмень, Тобольскъ, Илуторовскъ и Курганъ, вмѣсто возвращенія на родину, какъ гласило ходатайство цесаревича, были переведены на Кавказъ рядовыми приговоренные въ каторжную работу и находящіеся затѣмъ въ Сибири на поселеніи: Михаилъ Михайловичъ *Нарышкинъ*, Николай Ивановичъ *Лореръ*, Владиміръ Николаевичъ *Лихаревъ*, баронъ Андрей Евгеньевичъ *Розенъ*, кн. Александръ Ивановичъ *Одоевскій*, Михаилъ Александровичъ *Назимовъ*. „Декабристы на Кавказѣ“. Рус. Ст. 1884. № 2. Стр. 304“.

²⁾ Сатирич., какъ видимъ, забылъ фамплію М. А. Назимова. Про послѣдняго говорится въ біографіи кн. Одоевскаго, приложенной къ его стихотвореніямъ: „Высочайшимъ приказомъ отъ 7 ноября 1837 г. Одоевскій былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ колодезь, верстахъ въ ста отъ Тифлиса. Александръ Ивановичъ (*Одоевскій*) отправился туда вмѣстѣ съ *Назимовымъ*, своимъ товарищемъ по несчастью, который былъ тоже переведенъ рядовымъ на Кавказъ. Подъѣзжая къ Ставрополю, они увидѣли стаю журавлей, направлявшихъ полетъ свой къ сѣверу. „Привѣтствуй ихъ!“ сказалъ Назимовъ поэту. Одоевскій призадумался на минуту, потомъ быстро поднялъ голову и произнесъ свой прелестный экспромтъ, начинающійся стихомъ:

„Куда несется вы, крылатыя станицы?“ (Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго. 1890. Стр. VI и VII).

³⁾ И не только „нести солдатскую лямку“, но и поплатиться жизнью: В. Н. Лихаревъ былъ убитъ въ сраженіи.

прозвалъ Лермонтовъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи на смерть Одоевскаго ¹⁾. Ему было тогда лѣтъ подъ 40; ²⁾ но онъ казался гораздо моложе, несмотря на то, что былъ лысый. Улыбка, не сходявшая почти съ его губъ, придавала лицу его этотъ видъ юности. Жаль, что его стихотворенія до сихъ поръ не изданы ³⁾—они разбросаны въ старыхъ альманахахъ и журналахъ, а многія и вовсе не были напечатаны. Въ нихъ нѣтъ могучаго таланта Пущкина или Лермонтова, но много задушевнаго и теплаго.

Поппровавъ у Засса, я и Майеръ отправились провожать нашихъ новыхъ знакомыхъ ⁴⁾ до гостиницы, въ которой они остановились. Между тѣмъ пошелъ сильный дождь, и они не хотѣли отпустить насъ. Велѣли подать шампанскаго, и пошли разные либеральные тосты и разные рассказы о 14-мъ декабрѣ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его. Можете представить, какъ это волновало тогда наши еще юныя сердца, и какими глазами смотрѣли мы на этихъ людей, изъ которыхъ каждый казался намъ или героемъ, или жертвой грубаго деспотизма!

Какъ нарочно, въ эту самую ночь въ Ставрополь долженъ былъ пріѣхать государь. Наступила темная осенняя ночь, дождь лилъ ливнемъ, хотя на улицѣ были зажжены плошки, но, заливаемые дождемъ, онѣ трещали и гасли, и доставляли болѣе вони, чѣмъ свѣта.

Наконецъ около полуночи прискакалъ фельдъегерь, и послышалось отдаленное „ура“. Мы вышли на балконъ; вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса.

Дѣйствительно въ этой картинѣ было что-то мрачное.

— „Господа! закричалъ Одоевскій. Смотрите, вѣдь, это похоже на похороны! Ахъ, еслибы мы подоспѣли...!“ И, выпивая залпомъ бокалъ, прокричалъ: по латыни...

¹⁾ Это стихотвореніе называется: „Памяти А. И. Одоевскаго“ и начинается словами: „Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ“. А въ 3-мъ куплетѣ говорится: „Но онъ погребъ далеко отъ друзей...“

Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!“

²⁾ Кн. А. И. Одоевскій родился въ 1803 г.—какъ говорится въ его біографіи,—слѣдовательно, въ это время (въ 1837 году) ему было всего 34 года.

³⁾ Стихотворенія кн. Одоевскаго вышли отдѣльной маленькой книжкой только въ 1890 году въ Москвѣ.

⁴⁾ Въ біографіи же князя Одоевскаго не вѣрно говорится, что онъ встрѣтился и *познакомился* съ докторомъ Майеромъ (а также и съ Огаревымъ) только лѣтомъ 1839 года въ Пятигорскѣ.

— Сумасшедшій! сказали мы всѣ, увлекая его въ комнату,— что вы дѣлаете?! вѣдь васъ могутъ услышать, и тогда бѣда!

„У насъ въ Россіи полиція еще не училась по латыни,—отвѣчалъ онъ, добродушно смѣясь.

Лишь къ утру разстался мы уже не простыми знакомыми, а почти друзьями и разстался съ ними навсегда. Лишь Нарышкина и Одоевскаго привелось—мнѣ снова встрѣтить на слѣдующее лѣто въ Пятигорскѣ, на водахъ. Прочихъ же я потерялъ изъ вида...

Этой же осенью я лишился моей матери. Кто знаетъ, какъ она безопечно много любила меня, пойметъ, какъ тяжела была для меня эта потеря. У меня начиналось воспаленіе въ боку, и послѣ кровопусканій, до которыхъ Майеръ былъ большой охотникъ, я безвыходно сидѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дома. Она умерла почти скоростижно ударомъ, и потому я не былъ нисколько предупрежденъ.

Однажды человѣкъ подалъ Майеру письмо съ черной печатью, и, хотя онъ сидѣлъ довольно далеко, мнѣ показалось, что на конвертѣ надпись моего брата. Я спросилъ:—отъ кого письмо? Онъ отвѣчалъ, что отъ одного петербургскаго знакомаго,—всталъ и вышелъ въ свою комнату. Я видѣлъ издали, какъ онъ прочелъ письмо и положилъ его (въ) бюваръ, который лежалъ на его столѣ.—Потомъ онъ надѣлъ фуражку и объявилъ мнѣ, что ѣдетъ къ Горсткинымъ,—это былъ полковникъ генеральнаго штаба, добрый и уже немолодой человѣкъ; но жена у него была молоденькая и очень миленькая нѣмка. Мы часто собирались у нихъ за ихъ простымъ нѣмецкимъ столомъ и вмѣстѣ съ офицерами генеральнаго штаба составляли очень веселый и интимный кружокъ. Старикъ былъ порядочный оригиналъ: женившись на нѣмкѣ, онъ выучился только одному слову: „*schlecht*“ ¹⁾ и повторялъ его à tout propos ²⁾). Стоить бывало у печки, покуриваетъ коротенькую трубочку, поплевываетъ на обѣ стороны и повторяетъ то тому, то другому: „*schlecht*, Николай Михайловичъ!“—„*schlecht*, Николай Васильевичъ!“

— Да что же *schlecht*-то, Николай Ивановичъ? спросишь у него.

¹⁾ „Скверно“.

²⁾ „Ежеминутно“.

„Да все schlecht! Боть развѣ жена намъ дастъ хорошій обѣдъ, это будетъ не schlecht.

Впрочемъ, это былъ человѣкъ умный и чрезвычайно интересный въ разговорахъ о Кавказѣ, который онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ.

Какъ только Майеръ ушелъ, чувство любопытства и бакал-то томящая грусть побѣдили чувство деликатности. Я подошелъ къ столу, отыскалъ письмо и узналъ свое горе. Братъ просилъ Майера по дружбѣ ко мнѣ приготовить меня къ полученію этого извѣстія,—предосторожность, можетъ быть деликатная, но нелѣпая, по моему.

Черезъ часъ пріѣхалъ Майеръ и привезъ съ собою Горсткіна. Признаюсь, мнѣ неловко было передъ ними притворяться. Но при первой ихъ попыткѣ приготовить меня, рассказать о разныхъ неожиданныхъ случаяхъ смерти, я не выдержалъ и откровенно признался, что я все знаю, что я прочелъ письмо, потому что замѣтилъ и руку брата, и черную печать.

Съ искренней благодарностью вспоминаю о томъ деликатномъ участіи, которое оказали мнѣ тогда, какъ они двое, такъ и весь нашъ маленькій кружокъ.

Остальной конецъ (18) 37 и начало 38 мы провели мирно въ этомъ кружкѣ, собираясь ежедневно или у Горсткіна, или у насъ. Весна 1838 г. разлучила насъ: всѣ военные отправились въ обычные экспедиціи, а я съ Майеромъ поѣхалъ въ Пятигорскъ.

Здѣсь ожидала меня неожиданная и вмѣстѣ съ тѣмъ истинно огромная радость. Пріѣхавъ туда очень рано, когда общество еще не собралось, я жилъ очень уединенно и видѣлся только съ Майеромъ.—Отсутствіе знакомыхъ и болѣзненное состояніе заставляли меня довольно рано ложиться спать.

Однажды въ маѣ я и вѣрный, добрый, но безконечно глупый камердинеръ мой, Кузьма, уже покоился сладкимъ сномъ, когда я услышалъ стукъ въ дверь.

Кузьму не легко было поднять съ его жесткаго ложа, однако послѣ многократныхъ моихъ требованій онъ всталъ и отворилъ. Вдругъ слышу радостные возгласы и многократныя лобзанья. Не успѣлъ еще я сообразить, кто это можетъ быть, какъ Кузьма съ сіяющей улыбкой ввелъ ко мнѣ Василія Михайлова.

Василій Михайловъ былъ давнишній мой знакомецъ и любимый камердинеръ Огарева.

Уже и его появленію я обрадовался, какъ благодати; но когда онъ объявилъ мнѣ, что и Николай Платоновичъ¹⁾ съ Марьей Львов-ной²⁾ тоже находятся въ Цятпгорскѣ и съ нетерпѣніемъ ждутъ меня,—я не знаю, что со мною случилось.

Съ того времени прошло болѣе 28 лѣтъ, въ теченіе которыхъ я имѣлъ другія минуты счастья; но выше той радости, которую я ощутилъ тогда, не было въ моей жизни!

Четыре года тому (назадъ)³⁾ я расстался со всѣми моими друзьями въ присутствіи слѣдственной комиссіи, объявившей намъ сентен-цію и разославшей насъ по разнымъ мѣстамъ Россіи. Съ тѣхъ поръ я никого не видалъ изъ нихъ, и самая переписка была почти невозможна, и случалась только разъ или два въ годъ по случаю какой-нибудь вѣрной оказіи. И вотъ теперь представляется случай пробыть съ Огаревымъ два-три мѣсяца, познакомиться съ его женой, которая, вѣроятно, такъ же симпатична, какъ и онъ, и дѣлаетъ его счастливымъ. Одною этого уже было достаточно для того, чтобы ощутить великую радость. Но надо знать, что былъ для меня Огаревъ. Симпатичнѣе личности я не зналъ и не знаю. Я глубоко люблю всѣхъ моихъ немногихъ друзей; но Огарева я любилъ съ такою иѣжностью, къ которой только способна женская любовь!⁴⁾

И съ нимъ-то мнѣ предстояло первое и продолжительное свиданіе!

Несмотря на болѣзнь, хромоту и позднее время ночи, разумѣется, я поспѣшилъ одѣться. Василий⁵⁾ и Кузьма взяли меня подъ руки и довели до квартиры Огарева.

Болѣе симпатичнаго свиданія невозможно себѣ представить: мы оба плакали навзрыдъ, обвиняя другъ друга. Но, признаюсь, жена его произвела на меня охлаждающее впечатлѣніе. Обнявши Огарева, я бросился къ ней со всею братскою любовью и хотя въ

¹⁾ Николай Платоновичъ Огаревъ—близкій другъ и товарищъ, котораго Сатинъ не видалъ со дня прочтенія приговора—съ 31-го марта 1835 г.

²⁾ Марья Львовна—первая жена Огарева, урожденная Рославлева.

³⁾ Вставлено слово.—Здѣсь, надо замѣтить, авторъ запаматовалъ: съ весны 1835 до весны 1838 года прошло всего три, а не четыре года.

⁴⁾ Сноска въ оригиналѣ: „Я не говорю объ Огаревѣ съ большею подробностью, потому что о немъ говорено въ моихъ предыдущихъ запискахъ, а именно „Студенческихъ“. (Эти записки въ бумагахъ Сатина не сохранились).

⁵⁾ Василий Михайловичъ, любимый камердинеръ Огарева, который сопровождалъ его изъ Пензенской губерніи на Кавказъ.

первый разъ видѣлъ ее, но прижалъ ее къ моему сердцу почти такъ-же крѣпко, какъ и Огарева. Она какъ будто испугалась этого движенія и съ перваго разу сказала моему сердцу, что не понимаетъ тѣхъ братскихъ отношеній, которыя существовали между мною и Огаревымъ и которыхъ я желалъ съ нею, какъ съ подругою жизни Огарева.

Впрочемъ, мы сохранили съ ней самыя дружескія отношенія до самой ея смерти, послѣдовавшей въ 1853 или 54 г., несмотря на правду, которую я позволилъ себѣ говорить ей.

Она была умная и добрая женщина. Но сперва она была сбита съ пути воспитаніемъ, а потомъ окончательно добыта черезчуръ либеральнымъ направленіемъ мужа¹⁾.

Отъ природы умная, она не получила достаточнаго воспитанія, по семейству бѣдная,—она была родной племянницей пензенскаго губернатора Панчулидзева и слѣдовательно играла нѣкоторую роль въ Пензѣ. Огаревъ, сосланный въ Пензу очень молодымъ (человѣкомъ) (21 годъ)²⁾ и считавшійся самымъ богатымъ женихомъ,—увлекся ею; съ той стороны³⁾, разумѣется, не были упускаемы разныя ловушки, которыя не остались безъ успѣха⁴⁾. Наконецъ они женились! Но симпатіи не было ни малѣйшей: одинъ требовалъ семейной и ученой жизни, другая требовала свѣтскихъ⁵⁾ развлеченій; изъ любви и снисходительности онъ⁶⁾ покорялся, но былъ страненъ и не ловокъ въ обществѣ; естественно, самолюбіе его страдало, не говоря уже о томъ, что онъ не былъ въ своей сферѣ. Еще можно было бы удержать молодую женщину, но Огаревъ по своей добросовѣстности поддерживалъ ее въ ея фальшивомъ направленіи. Тогда были въ ходу романы Жоржъ Зандъ; почти (все)⁷⁾, что было образованнаго, восхищалось ими: вывести жен-

1) Трудно понять, что хотѣлъ сказать авторъ словами: „а потомъ окончательно *добита* черезчуръ либеральнымъ направленіемъ мужа“? Извѣстно, что кромѣ свѣтскаго воспитанія, корнемъ всего зла была плохая, крайне неустойчивая натура М. Д. Огаревой; натура а не мужъ добила и сгубила ее окончательно.

2) Плохо разобраны три послѣднія слова.

3) Далѣе зачеркнуто какое-то слово.

4) Эти слова *ловушки* со стороны молоденькой дѣвушки еще больше подтверждаютъ высказанное въ примѣчаніяхъ мнѣніе о плохой натурѣ Марьи Львовны.

5) Раньше стояло другое слово, потомъ зачеркнуто и сверху вписано: „свѣтскихъ“.

6) Раньше стояло „былъ“.

7) Вставлено слово.

щину изъ вѣкового рабства и поставить ее на ряду съ мужчиной,—чего же лучше, чего благороднѣй? М. Л. увлеклась этими романами, и Огаревъ ее поддерживалъ со всею своею добросовѣстностью.

III.

По окончаніи курса водъ я переѣхалъ въ Ставрополь зимовать, чтобы воспользоваться раннимъ курсомъ 1838 года. Я помѣстился съ докторомъ Майеромъ ¹⁾. — Это былъ замѣчательный человѣкъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Въ физическомъ отношеніи Майеръ былъ почти уродъ: одна нога была короче другой болѣе, чѣмъ на два вершка; лобъ отъ лицевой линіи выдавался впередъ на неимоверно замѣчательное пространство, такъ что голова имѣла видъ какого-то треугольника; сверхъ этого онъ былъ маленькаго роста и чрезвычайно худощавъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе своимъ умомъ и страстностью онъ возбудилъ любовь въ одной изъ самыхъ красивѣйшихъ женщинъ; г-жѣ М. ³⁾. Я былъ свидѣтелемъ и повѣреннымъ этой любви. Майеръ, непривычный внушать любовь, былъ въ апогеѣ счастья! Когда она должна была ѣхать, онъ послѣдовалъ за нею въ Петербургъ, но увы! Скоро возвратился оттуда совершенно убитый ея равнодушіемъ.

Надъ г-жей М. эта любовь или правильнѣе шутка прошла, вѣроятно, безслѣдно; но на Майера это подѣйствовало разрушительно: изъ веселаго, остроумнаго, дѣятельнаго человѣка, онъ сдѣлался лѣнливымъ и раздражительнымъ.

¹⁾ См. 1-ю главу Воспоминаній, гдѣ говорится о встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ.

²⁾ Вотъ какъ описывается наружность доктора Вернера въ „Княжѣ Мери“: „Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ, и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога у него была короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаруженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ силетеніемъ противоположныхъ наклонностей“.

³⁾ „Бывали примѣры,—говорится въ „Княжѣ Мерп“,—что женщины влюбляются въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эвдимионовъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной; оттого-то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ“. 323 стр.

По вечерамъ собиралось у насъ по нѣскольку человѣкъ, большею частію изъ офицеровъ генеральнаго штаба. Это были офицеры изъ первыхъ выпусковъ недавно учрежденной Военной Академіи. Не знаю подробно объ исторіи этой Академіи, но знаю, что она первая дала толчекъ военной молодежи къ наукѣ, къ образованію. Изъ посѣщавшихъ насъ мнѣ въ особенности памятенъ Филиппсонъ и Глинка. Первый (бывшій впоследствии попечителемъ С.-Петербургскаго Университета, а нынѣ ¹⁾ сенаторъ) былъ умный и благородный человѣкъ ²⁾. Странно, что онъ такъ же, какъ Бѣлинскій и Лермонтовъ, былъ уроженецъ города Чембары! Безъ всякаго первоначальнаго образованія, безъ всякихъ денежныхъ средствъ и протекціи — онъ умѣлъ собственнымъ стремленіемъ и способностями достигнуть Военной Академіи (тогда очень значительной) и выйти образованнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ.

Глинка былъ позже Филиппсона своимъ умственнымъ способностямъ, но интересовалъ насъ болѣе своимъ добродушіемъ и пылкостью своего воображенія. Онъ тогда былъ серьезно занятъ проектомъ завоеванія Индіи, — но эта фантазія не была въ немъ глупостью, а скорѣе оригинальностью; онъ много учился и много читалъ и (воображалъ) ³⁾ вытѣснить англичанъ изъ Индіи, доказывая фактами, которые не всегда можно было опровергнуть.

Постоянно посѣщали насъ еще два солдата, два декабриста: Сергѣй Кривцовъ ⁴⁾ и Валеріанъ Голицынъ ⁵⁾. Первый добрый, хорошій человѣкъ, далеко ниже по уму и выше по сердцу своего брата Николая, бывшаго воронежскимъ губернаторомъ. Второй — замѣчательно умный человѣкъ, воспитанникъ іезуитовъ; онъ усвоилъ себѣ ихъ сосредоточенность и пзворотливость ума. Споры съ

¹⁾ „Воспоминанія“, какъ говорилось раньше, — можно предполагать, писаны Сатинымъ въ концѣ 1865 года.

²⁾ Сносокъ въ оригиналѣ: „Какъ о человѣкѣ, — слава Богу, и теперь онъ существуетъ, — я не смѣю входить о немъ въ дальнѣйшія подробности“.

³⁾ Слово плохо разобрано.

⁴⁾ Сергѣй Ивановичъ *Кривцовъ* былъ переведенъ на Кавказъ изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы („Декабристы на Кавказѣ“, барона Розена. Рус. Старина 1884 года. Февраль. Стр. 304).

⁵⁾ Кн. Валеріанъ Михайловичъ *Голицынъ* былъ осужденъ на поселеніе въ Сибирь, а оттуда вмѣстѣ съ Борисомъ *Бодиско* переведенъ на Кавказъ. Когда Эриванъ была взята, *В. М. Голицына* послали съ донесеніемъ къ гр. Паскевичу. На дорогѣ онъ „разбился о камень, упавъ на скалу съ лошади, и былъ привезенъ въ лагерь безъ чувствъ“. (Тамъ же. Стр. 313).

нимъ были самые интересные: мы горячились, а онъ, хладнокровно улыбаясь, смѣло и умно защищалъ свои софизмы, и большею частію, не убѣждая другихъ, оставался побѣдителемъ.

Несмотря на свой умъ, онъ, видимо, тяготился своею солдатскою шинелью, и ему пріятно было, когда называли его княземъ. Въ этотъ же годъ произвели его въ офицеры, и онъ не могъ скрыть своего удовольствія—надѣть снова тонкій сюртукъ, вмѣсто толстой шинели.

Позднѣе, зимой, къ нашему обществу присоединился Лермонтовъ, но—признаюсь—только помѣшалъ ему. Этотъ человѣкъ постоянно шутилъ и подтрунивалъ, что наконецъ надобно всѣмъ ¹⁾. Бѣлинскій, какъ рассказываетъ Панаевъ, имѣлъ хотя разъ случай слышать въ ордонансгаузѣ серьезный разговоръ Лермонтова о Вальтеръ-Скоттѣ и Куперѣ ²⁾. Мнѣ—признаюсь, несмотря на мое продолжительное знакомство съ нимъ—не случилось этого. Этотъ человѣкъ—постоянно шутилъ и подтрунивалъ. Ложно понятой Байронизмъ сбиль его съ обычной дороги. Пренебреженіе къ пошлости есть дѣло достойное всякаго мыслящаго человѣка; но Лермонтовъ доводилъ это до *absurdum*, не признавая въ окружающемъ его обществѣ ничего достойнаго его вниманія.

¹⁾ Въ оригиналѣ здѣсь сдѣлана помѣтка, означающая, что въ этомъ мѣстѣ должна быть вставка, но вставки въ рукописяхъ Н. М. Сатина не оказалось.

²⁾ См. 1-ю главу о встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ.